словный перевод с чужих языков, если он не против духа чешского языка, может умножить богатство его оборотов».[18]

Учитывая отношение И. Юнгманна к переводу как к средству для обогащения языка, можно понять, почему он предпочитал точный перевод вольному. Возможно, что у И. Юнгманна была и другая цель: способствовать выработке общеславянского языка. Именно в это время он горячо ратует за выработку такого языка.[19]

Но особенно ясно эта цель видна у автора другого чешского перевода «Слова о полку Игореве», вышедшего в 1821 г., — В. Ганки.[20]

В издании В. Ганки (кроме чешского, здесь был помещен и немецкий перевод) текст «Слова» был напечатан «всеславянской» азбукой, составленной самим В. Ганкой. Вопрос об азбуке, наиболее соответствующей звукам славянских языков, интересовал чешских филологов начала XIX в. в связи с планами создания общеславянского литературного языка. Ганка был одним из наиболее ревностных реформаторов азбуки. Опыты его были неудачны — также и этот. Шафарик, например, писал, что никак не мог принудить себя прочесть «Слово» в издании Ганки (письмо Коллару от 20 февраля 1826 г.).[21]

В. Ганка издавал «Слово о полку Игореве» для «славян латинского письма», «заботясь о практической пользе для славянской взаимности». Вот письмо В. Ганки, адресованное Российской Академии наук: «Примите милостиво, славнейшие и препочитаемые члены, в славный знак благодарности моей толкование Слова о Полку Игореве, которого подлинник я преставил латинскими буквами только для того, чтоб уроженцы мои и другие латинские славяне [могли] участвовать не только красот древнего сочинения, но боле того — очевидно смотреть эту маленькую разницу наречий между собою».[22]

В. Ганка неоднократно писал о своей основной задаче — дать возможность «славянам латинского письма» познакомиться со «Словом». Об этом он говорит и в русском предисловии в переводу, и в письме к Александру I, приложенному к экземпляру его издания, который он преподнес царю.[23] С этой же целью он предпослал своему переводу предисловия на русском, чешском, польском и сербском языках.

Если оставить в стороне вопрос о достоинствах транскрипции Ганки (она действительно очень неудобна), то можно только приветствовать его стремления. В Чехии в начале 20-х годов XIX в. русский язык знали еще немногие (сам В. Ганка владел им далеко не в совершенстве — об этом говорят переводы русских песен, выполненные им, письма его, написанные по-русски, и т. д.). Изучение русского языка заметно прогрессировало лишь со времени войны 1812 г. и за короткое время не могло дать больших

---

[18] Josefa Jungmanna... Slowesnost... třetí wydání... W Praze, 1846, стр. 23—24: «Jiné bohaté zdroje, z kterých nabírati lze, jsou nářečí jinoslovanská, hned ta hned ona češtině příbuznější... Naposledy i doslovné překládání z cizích jazykův, jestliže není na odpor duchu češtiny, může rozmnožiti bohatost jejích obratův».

[19] Он писал Ант. Мареку 9 февраля 1809 г.: «... nám Slovanům to potěšitedlné býti musí, když *nářečí všechna slovanská v jeden se spolčí*. My od Rusů, Rusové od nás jazyka vydokonalení přijmeme. Co tedy česky píšeme, již pro onu velikou říši slovanskou píšeme» (Literatura česká devatenáctého století. d. I. V Praze, 1911, стр. 679).

[20] Igor Swatoslawič. Hrdinsky zpiew o taženj proti polowcům. Wěrně w půwodnjm gazyku, s připogenjm českého a Německého přeloženj. Od Waclawa Hanky. W Praze, 1821.

[21] Časopis Českého Musea, 1874, стр. 67.

[22] Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, изд. В. А. Францев. Варшава, 1905, стр. 1194.

[23] Письма к Вячеславу Ганке..., стр. 1195.